

УДК 821.161.1

*Ю.В. Меладишина***ПРЕОБРАЖЕНИЕ ПАВЛА ИВАНОВИЧА ЧИЧИКОВА В РОМАНЕ ВЛАДИМИРА ШАРОВА «ВОЗВРАЩЕНИЕ В ЕГИПЕТ»**

В статье рассматривается интерпретация поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души» в романе В. Шарова «Возвращение в Египет», в частности рецепция и новый проект воплощения образа Павла Ивановича Чичикова. Предложенная в книге Шарова альтернативная версия судьбы и личности Чичикова сопоставляется с гоголевским вариантом и литературно-критическими и литературоведческими его трактовками. Анализ романа позволяет показать, как сопрягаются мессианские идеи Гоголя с социально-историческим и личным опытом его потомков, прошедших в XX в. через реальную практику созидания «Нового Иерусалима» в варианте социалистической революции и социалистического строительства. В романе Шарова образ Чичикова строится по принципу «обратной пародии»¹ – как возвышенный, очищенный от негатива и сатирических коннотаций вариант личности и судьбы героя первого тома «Мертвых душ». Однако утопический проект деятельности преобразованного Чичикова в романе Шарова остается не реализован художественно, что является зеркальным отражением попытки Гоголя «припрячь подлеца» к осуществлению задуманной им проповеднической миссии. В статье прослеживаются мотивы самозванства, избранничества и скитальчества, которые также связывают между собой Гоголя и его героев с амбициями и судьбами героев Шарова.

Ключевые слова: Н.В. Гоголь, В. Шаров, «Мертвые души», Чичиков, преобразование, сюжетообразование, самозванство, скитальчество, избранничество, обратная пародия.

Роман В. Шарова «Возвращение в Египет» выстроен на взаимодействии с гоголевскими текстами, главным из которых и в смысловом, и в сюжетообразующем планах является текст поэмы «Мертвые души». Как известно, Н. В. Гоголь возлагал особые надежды на это произведение, оно стало знаковым в судьбе писателя: «Это будет первая моя порядочная вещь – вещь, которая вынесет мое имя» [11. С. 74].

На аналогию с комедией Данте указывали уже современники Гоголя. Так, А. И. Герцен в своих дневниковых записях отмечает сходство описаний крепостного быта с «Адом» Данте. П. А. Вяземский писал в одном из комментариев к «Мертвым душам»: «О попытках его [Гоголя. – Ю.М.], оставленных нам в недоконченных посмертных главах романа, положительно судить нельзя, но едва ли успел бы он без крутого поворота и последовательно выйти на светлую дорогу и, подобно Данту, завершить свою “Divina Comedia” Чистилищем и Раем» [8. С. 485]. С. П. Шевырев и К. С. Аксаков отмечали эпический размах поэмы, сравнивая «Мертвые души» с трудами Данте и Гомера. Аксаков видел в сочинении Гоголя возрождение «древнего, гомеровского эпоса» и утверждал, что «эпическое созерцание Гоголя – древнее, истинное, то же, какое и у Гомера» [1. С. 48]. В. Г. Белинский, вступивший в спор со славянофилами Шевыревым и Аксаковым, поначалу иронизировал над утверждениями о сходстве Гоголя с Данте и Гомером. Однако, спустя полтора года после сделанных им первых критических замечаний, и он обратил внимание на реально-исторический контекст эпической поэмы Данте, тем самым признавая определенное сходство с ней «Мертвых душ» Гоголя.

В рамках собственно научных исследований особый интерес к параллели Данте – Гоголь проявил А. Н. Веселовский. Рассматривая «Мертвые души» в контексте трехчастной комедии Данте, он писал: «Итак, второй отдел новой “Божественной Комедии”, должен вызвать убеждение, что для всех, в ком еще не зачерствело сердце, возможно спасение» [7. С. 268]. Ученый соотносил уцелевшие главы продолжения «Мертвых душ» с «Чистилищем» и размышлял о возможном сюжетном развитии третьего тома, соотнося его с «Раем».

С. Шамбинаго пишет о том, что конечная цель поэмы Гоголя обусловлена перспективой «Божественной комедии». Однако гоголевский замысел «сокрушался даже на второй части. И невозмож-

¹ В данном случае мы используем терминологическое определение и его объяснение, предложенные Н. А. Макуриной, которая под «обратной пародией» понимает серьезное явление, возникшее после появления комического прецедентного текста, «пародийный персонаж в данном случае оказывается сложнее первоисточника, при этом он может быть наделен комическими чертами, а может быть лишен их», т.е. комизм в обратной пародии может присутствовать, но не обусловлен пародийной функцией [14. С. 116].

ной стала ему казаться третья, Рай, где мертвые души окончательно просветились бы светом высшей правды, все животворящей. Невозможным почувствовался ему переход России из “заплесневелого угла Европы” в идеальное государство» [19. С. 152–153].

Ю. В. Манн, усомнившийся в правомерности идеи Веселовского о том, что предполагаемая трехтомность поэмы Гоголя была мотивирована исключительно влиянием Данте, отмечает, что Данте и Гоголя роднит мессианский замах их произведений: «Притязание на высшую цель, на сохранение высокого символизма, которым отмечено дантовское творение, Гоголь подчеркнул присвоением “Мертвым душам” жанрового обозначения “поэма”» [15. С. 441]. У Гоголя, в противовес Данте, героем, «ведомым путем испытаний, искушения и спасения», является не автор, а центральный персонаж – Чичиков. И это избранничество гоголевского героя, по мнению Манна, «роднит его с героем “Божественной комедии”» [15. С. 439].

Масштабность гоголевского замысла Гоголя породила мессианские ожидания: второй и третий тома поэмы должны были указать путь к спасению Руси, исцелению ее от той социально-нравственной мертвечины, которая стала предметом изображения в первом томе поэмы. Миссия спасителя возлагалась на Павла Ивановича Чичикова.

Образ Чичикова оказался в центре внимания читателей и критиков сразу после выхода поэмы, породил различные трактовки и интерпретации и по сей день продолжает быть предметом разнонаправленных исследований, включая культурологические, социально-политические штудии.

Подтверждением этому служит современная нам литература, в которой вновь и вновь в разных вариациях воскресает гоголевский приобретатель. По мнению В. Ю. Баль современные реинкарнации Чичикова можно условно разделить на три разновидности: первая – «публицистические тексты, которые сосредоточены на осмыслении проблемы востребованности чичиковского типа в новой российской социально-экономической реальности» [3. С. 149] (сюда автор относит тексты Б. Парамонова «Возвращение Чичикова» /1991/, А. Латыниной «“Патент на благородство”: выдаст ли его литература капиталу?» /1993/, В. Пьещуха «Русаки» /2007/, В. Елистратова «Чичиков и ипотечное кредитование: к метафизике финансового кризиса» /2009/); вторая – «художественные тексты первого постперестроечного десятилетия (Б. Кенжеев. “Иван Безуглов. Мещанский роман» /1993/ и А. Уткин “Самоучки” /1998/, являющие первые попытки осмысления “настоящего” времени и его героя» [3. С. 149]); в этих произведениях содержатся прямые отсылки к образу Чичикова и к типу сюжета, с этим образом сопряженного; третья – произведения начала XXI в., которые ставят «проблему “героя времени” в ситуации непрекращающегося духовного, исторического, социального и экономического кризиса современной российской жизни» [3. С. 149]; эта группа представлена романами О. Славниковой «Бессмертный» (2001), Я. Веерова «Господин Чичиков» (2012), А. Иванова «Блуда и МУДО» (2011) и В. Шарова «Возвращение в Египет» (2013).

Очевидно, что роман В. Шарова «Возвращение в Египет» появляется в постмодернистском контексте переосмысления, доосмысления, обыгрывания, переигрывания классики, в частности образа Чичикова и явления чичиковщины, однако из этого контекста он, на наш взгляд, существенно выбивается, принципиально отличаясь от других произведений современной «гоголиады».

Чтобы увидеть и оценить по достоинству это отличие, необходимо сначала дать краткий очерк трактовок образа Чичикова, которые так или иначе определяли и определяют его восприятие сегодня.

Уже в сороковые годы XIX в., сразу по выходе первой части «Мертвых душ» и далее, обозначились разные концепции романа: «славянофилы <...> видели в поэме “апофеоз Руси”», К. С. Аксаков – «национальную русскую эпопею, род “Илиады” и “Одиссеи”», их оппоненты, – «напротив, – “анафему Руси”» [18. С. 203].

Оценка Гоголя как «социального писателя», призванного быть одним из вождей своей страны «на пути сознания, развития, прогресса» [5. С. 500], была в определенной степени социологизирована в 60-е гг. XIX в. в контексте осмысления так называемого «гоголевского направления» в русской литературе, а затем в целом ряде работ советского периода, для которых характерно стремление выставить Гоголя обличителем дворянства, угнетающего простой народ. Соответственно как скопище «угнетателей» трактовалась система персонажей поэмы во главе с Чичиковым – между прочим, не имевшим никакой собственности и по статусу своему не могущим никого «угнетать».

Принципиально иной вектор интерпретации поэмы и ее главного героя задала работа Д. Мережковского «Гоголь и черт» (1906), рассматривающая творчество Гоголя в мистическом ключе и трактующая Чичикова как «антихриста», «сатану, который всех обольщает» [16. С. 205, 207]. С

точки зрения Мережковского, «два главных героя Гоголя – Хлестаков и Чичиков – суть два современных русских лица, две ипостаси вечного и всемирного зла – “бессмертной пошлости людской”. По слову Пушкина, то были двух бесов изображения» [16. С.181].

В собственно литературоведческих исследованиях XX, XXI вв. (М. Е. Мелетинский, М. Вайскопф, В. Ш. Кривонос, Ю. В. Манн, А. Х. Гольденберг, Е. И. Анненкова, В. А. Воропаев, И. А. Есаулов и др.) тема разрабатывается преимущественно в онтологических, культурологических, эстетических, а также религиозных аспектах.

В этих работах большее внимание уделяется гоголевскому замыслу продолжения «Мертвых душ» и предполагаемой и частично представленной в уцелевших главах трансформации образа Чичикова.

Современные исследователи (А. Х. Гольденберг, С. Гончаров, М. Вайскопф, В. Ш. Кривонос и др.), подтверждая двойственность натуры героя, потенциальную амбивалентность его характера и судьбы, обнаруживают в образе Чичикова архетипические корни, в частности видят в нем своего рода трикстера. С точки зрения Гольденберга, «откровения» Чичикова пародийно соотносятся с «религиозно-исповедальной традицией, религиозными культами, мистериальными сюжетами» <...>. В них явно проступает «пародийно-ироническое и “игровое” отношение к идеям божественного провидения и к идеалу христианской жизни» [12. С.123], а это, в свою очередь, отсылает к жанру пикарески, для которой также характерна двойственная природа героя-плута и сопряженные с ней мотивы смерти и воскресения.

Жанровую связь «Мертвых душ» с плутовским романом и апокрифом отмечают Манн и Кривонос.

Кривонос также указывает на травестию агиографического жанра, которая носит не комический, а вполне серьезный характер: «Чичиков предстает в биографии как “подвижник” на поприще материальной, житейской выгоды, как герой “житийных” возможностей, обративший эти возможности на служение узколичной, эгоистической цели <...> Поведение Чичикова – это вывернутое наизнанку поведение житийного героя» [13. С. 125, 127]. Таким образом, мы приходим к выводу, что, присваивая роль защитника добра и справедливости, в то время как руководят им алчность и хитрость, Чичиков дополнительно подчеркивает собственную удаленность от того образа, в который он время от времени облекается для успешности реализации задуманной аферы, поэтому в данном случае скорее следует говорить не о преображении, а о двойственности героя, о подлинном и мнимом в его характере и судьбе.

Гольденберг полагает, что в контексте намеченной Гоголем перспективы преобразования героя можно усмотреть отсылку к так называемым кризисным житиям, в которых «дается обычно только два образа человека, разделенных и соединенных кризисом и перерождением, – образ грешника (до перерождения) и образ праведника – святого (после кризиса и перерождения)» [4. С. 266]. Отличительной особенностью сюжета кризисного жития является наличие переломной точки – кризиса, после которого и происходит метаморфоза.

Кризис и должен был настичь Чичикова во втором томе «Мертвых душ», о чем свидетельствует сохранившаяся сцена, в которой Чичиков кается перед Муразовым, и это покаяние разительно отличается от напускного христианского смирения, которое он демонстрировал в беседах с помещиками. В данном случае есть не только слова самого героя – «О, если бы удалось мне освободиться <...> Клянусь вам, повел бы отныне совсем другую жизнь», но и свидетельство автора: «зарыдал громко от нестерпимой боли сердца» [10. С. 111, 112]. Муразов, ставший «исповедником» Чичикова, выступает выразителем авторской идеи о преобразении мира путем возрождения героя: «Ах, Павел Иванович <...>. Я думаю о том, какой бы из вас был человек, если бы так же, и силою и терпением, да подвизались бы на добрый труд, имея лучшую цель. <...> боже мой, как процветала <бы> наша земля! <...> Назначенье ваше – быть великим человеком, а вы себя запропастили и погубили» [10. С. 112].

Таким образом, в поэме Гоголя, в недописанной ее части, намечена тенденция к преобразению главного героя из «подлеца», как аттестует его сам автор первого тома, в «великого человека», трудами которого могла бы процветать «наша земля».

Гоголь эту задачу не решил. «Подлец» не превращался в «святого», эстетическое чутье писателя сопротивлялось идеологическому насилию над художественным материалом: с точки зрения В. Набокова, «оконченная книга», т.е. второй том «Мертвых душ» «предавала его гений; и Чичиков,

вместо того чтобы набожно угасать в деревянной часовне среди суровых елей на берегу легендарного озера, был возвращен своей природной стихии – синим огонькам домашнего пекла» [17. С. 117].

Замечательная метафора Набокова, тем не менее, не исчерпала ни героя, ни ситуацию, и энергетический потенциал Чичикова не дает покоя русской литературе по сей день, что с особой наглядностью и убедительностью демонстрирует роман Шарова «Возвращение в Египет».

В романе Шарова многочисленные корреспонденты Николая Гоголя Второго, назначенного на роль преемника и продолжателя дела Гоголя Первого (и Единственного), активно обсуждают личность и судьбу Чичикова. Дядя Петр, выступающий в качестве авторитетного специалиста-гоголеведа, подчеркивает его «плутовские» черты: «“Мертвые души” – помесь Данте и того же “Жиль Блаза”. Вне всяких сомнений, это пародия, но она не злая. Не терпящий насилия мошенник один за другим осматривает все круги Ада. Вдоль тропинки частокол такого сброда, что Чичиков кажется чуть ли не ангелом. То, что в третьей части поэмы он примет постриг и дальше будет жить святой жизнью, не удивляет» [20. С. 327–328]. Дядя Януш, склонный считать Чичикова мошенником, предполагает, что «если и вправду Чичиков в последней части поэмы уходит в монастырь, то это оттого, что коли хочешь, чтобы и мертвые души исправно тянули барщину, несли другие повинности, хозяйство твое должно быть не от мира сего». Он же впоследствии предложит другую, не менее фантастическую версию: «Хлестаков, Чичиков – все есть нос майора Ковалева, который в разном обличье бегал и бегал по России <...>. Если это так, то третья часть “Мертвых душ” могла бы стать повестью о чуде <...> о долгожданном возвращении носа на законное место <...>. Возвращение, которое бы всех исцелило и осчастливило» [20. С. 675]. Дядя Святослав отмечает хотя и злую, но целенаправленную, организующую волю Чичикова: «Чичиков, что Хлестаков работали с изящной легкостью. Умели организовать пространство. Строили вокруг себя. Поставят народ, выровняют, затем принимают парад».

Кормчий секты бегунов, Капралов, не любя Гоголя, признавал, что «боком и он из бегунов», и считал его «чем-то вроде наставника, а Хлестакова с Чичиковым его учениками, которых Гоголь учил «на ощупь чувствовать зло, как оно сгущается. Тогда срываться и бежать». При этом в вину Гоголю он ставил то, что «тот мало перед чем останавливался. Намеренно поощрял Хлестакова с Чичиковым самих творить зло. Творить, не раздумывая, не сожалея, весело и артистично» [20. С. 52].

Дядя Юрий рассматривает Чичикова первого тома как «орудие на путях промысла Божия. Что и для чего творит – не ведает», – эта оценка фиксирует потенциальную возможность изменения и прозрения героя. С этой точкой зрения перекликается концепция дяди Евгения: «Уверен, “Мертвые души” задуманы как “роман воспитания”» [20. С. 329]. Вторая и третья части поэмы должны были стать историей обращения души, от рождения почти мертвенной, ее медленным, трудным восхождением к Богу» [20. С. 329].

Дебаты о Чичикове ведутся с прицелом на миссию Гоголя Второго, но Коле до поры до времени не дается этот герой, ускользает из расставленных усилиями всего гоголевского клана сетей грандиозного замысла: «Чичиков, словно угорь, никак его не ухватишь», – признается Коля ждущей от него великого свершения матери [2. С. 104]. Однако преображение Чичикова является для героев Шарова условием и залогом не только продолжения «Мертвых душ», но и возрождения России: спасение Чичикова должно стать формулой и знаком спасения народа.

Версия преображения в романе Шарова сначала возникает в варианте «либретто», отвергнутого самим Колей («получилось неудачно», хотя «разумное зерно» дало всходы на новой почве), а затем – в варианте «Синописа», который в контексте романа является своего рода «вставной новеллой» – точнее, вставным *трактатом* о возрождении не только Павла Ивановича Чичикова, но и древлеправославной веры.

Текст «Синописа» подается в романе как восстановленный. Первоначально это была *заявка* («подробная канва событий») на публикацию второго («Чистилище») и третьего («Рай») томов «Мертвых душ», отправленная в издательство. Однако тогда, в марте 1941 г., Коля был арестован, при аресте «изъяли лишь набросок вышепомянутого “Синописа”, немного поудивлялись, агентурные сведения были серьезнее, и, вкатив десять лет за антисоветскую агитацию, отправили на этап» [20. С. 191].

О структуре «заявки» Коля сообщает следующее: «Чистилище» по образцу Данте разбил «на что-то вроде семи кругов». Каждый круг – «этап Исхода чичиковской души из адской бездны, ее путь к Богу, к Небесному Иерусалиму». Здесь парадоксальным и в то же время закономерным образом перекликаются тот этап, на который отправили осужденного Колю Гоголя, и этапы преображения его героя.

В промежутке между попыткой издания «Мертвых душ» и эпистолярным воспроизведением «Синописа» в переписке с дядей Артемием прошло пятнадцать лет. «Конечно, к “Мертвым душам” я уже не вернусь, – объясняет Коля своему корреспонденту, – и все же, чтобы с самим собой разобраться, мне было бы важно одни двадцать лет склеить с другими пятнадцатью. “Синопис” попал как раз на разрыв, а сейчас я думаю, что что-то он мог бы и зарастить» [20. С. 221]. Это важное обстоятельство: на сей раз «Синопис» вобрал в себя не только семейные предания и амбиции, не только исторический, но и личный опыт Гоголя Второго, прошедшего через арест, этап, голодные годы в лагерях, приобщение к секте бегунов, потерю родных и близких, утрату любви и возможности нормальной семейной жизни.

В основу замысла легла идея Колиной матери о том, что первый том «Мертвых Душ» – это «болезнь», и ее верой в то, «шанс на выздоровление не потерян» [20. С. 215-216]. Главенство Чичикова объяснялось не только тем, что «о такой душе, как чичиковская, на Небесах будет больше радости, чем о сотне душ праведников», но главное тем, что «когда подобные Чичикову вспоминают о Спасителе, это значит, что весь мир готов отвернуться от зла» [20. С. 239].

Восстановленный в 1955 – 1956 гг. «Синопис» состоит из десяти писем, первые пять писем, представляют собой семь кругов чистилища, остальные пять – земной рай.

В то время как попытка самого Гоголя воскресить для жизни духа «странствующего рыцаря денег» [16. С. 195] обернулась художественной фальшью, которую взыскательный художник предал огню, его самозванный преемник в романе Шарова перенаправляет чичиковскую тройку в принципиально другую сторону. «Синопис» являет собой не художественную картину действительности, а утопический проект (в этом своем качестве перекликающий с гоголевским проектом идеальной Руси в «Выбранных местах из переписки с друзьями»), в котором вымышленный герой оказывается вписан в реальные события русской и европейской истории, в полемику и взаимодействие с реальными историческими лицами – и все это дано в контексте альтернативной (утопической) траектории исторического процесса.

Оценивая возможность завершения поэмы героем романа Шарова, В. Яранцев отмечает «разность потенциалов: Гоголь умел делать вымышленное подлиннее оригинала, искусство – сильнее текущей жизни, а героям В. Шарова под силу оперировать только реальным, и даже его “бегуны” – сектанты от религии и жизни, могут еретичествовать только в орбите Священного Писания. Не назовешь же “епископа Чичикова” – любимца “землевольтцев” и Веры Фигнер, которому “приветственный адрес” зачитывает сам Георгий Валентинович Плеханов и который умирает “очень похоже на Николая Васильевича Гоголя” (с “парой шерстяных носков” на ногах и в варежках на руках) – шедевром гоголевской выделки» [21].

Однако герой Шарова претендует не на «гоголевскую выделку», а на создание нового вектора судьбы гоголевского героя, а тем самым и России.

По версии Гоголя-младшего, Чичиков принимает постриг и становится епископом-старообрядцем, радеющим о восстановлении «древнего благочестия». Коля руководствуется версией о продолжении поэмы, в которой Гоголь планировал обратить своего героя в монахи, но намеренно делает своего Чичикова старообрядцем. Безусловно, на это решение повлияла судьба самого Коли, который принадлежит к секте бегунов – одного из старообрядческих движений, целью которого является постоянный «побег от греха». При этом Коля понимает провокационность своей идеи: «Николай Васильевич подобное продолжение поэмы никогда бы не принял <...>. Сама мысль, что Чичиков может стать не православным – староверческим монахом и русское царство счесть за антихристово; сверх всякой меры почитаемого им императора Николая I за антихристово семя <...> показалась бы ему кощунством» [20. С. 241]. Но Коля, не отрицая, что для Гоголя старообрядчество – это «темное царство», видит связь между раскольниками и славянофилами, которые в свою очередь переняли «у Гоголя его взгляды на церковь и государство, одно время интересовались расколом» [20. С. 242], а также приводит «мнение Герцена, что “у славянофилов и раскольников общие корни”» [20. С. 242], ссылаясь на И. П. Липранди, считавшего, «что славянофилы суть раскольники, но не в религиозном отношении, а в гражданском» [20. С. 243]. Отсюда делается следующий идеологический шаг и возникает новый союз: «Для меня тоже – говорит один из героев Шарова, – революция связана с расколом. <...> В революцию исполнились все его пророчества о царстве антихриста и Страшном Суде; лишь с приходом Спасителя опять что-то не сошлось» [20. С. 630]. Своего рода спасителем, вернее пророком, толкующим волю Бога и ведущего народ к спасению, и должен, по мысли Гоголя Второго, стать новый «апостол» – епископ

Павел – Павел Иванович Чичиков, который в финале своего жизненного пути Чичиков сходится с революционерами. Почвой для такого парадоксального, на первый взгляд, сближения становится наличие у староверов и революционеров общего врага – самодержавия. И тут опять возникает сущностное и принципиально расхождение с Гоголем, который не только никогда не ополчался на высшую государственную власть, но видел себя ее союзником, апологетом и нередко апеллировал к ней в расчете на помощь и поддержку, которая ему неоднократно оказывалась.

Но Гоголь Второй в 1941 г., когда царская власть давно низложена, а революция победила, не видел в России XIX в. другой социальной почвы для свершения Чичиковым миссии спасения, нежели староверы и – революционеры. Староверы разделяли взгляды революционеров на корень бед России, но не могли и не стремились изменить текущее положение дел, революционеры же предлагают не бежать от зла, а уничтожать его.

Таким образом, революция начинает восприниматься Чичиковым и старообрядцами, которых он возглавляет, не в контексте государственного переворота и борьбы за земную власть, а как битва со злом, с силами Антихриста, после победы над которыми, наступит эра благоденствия и общности. Соратниками Чичикова Гоголь Второй делает реальных исторических деятелей – В. Кельсиева, А. Герцена, П. Чайковского, О. Гончара. Арена действия расширяется, земные границы преодолеваются: Чичиков, ставший епископом Павлом, выступает «не просто свидетелем – активным участником всевропейской революции» [2. С. 267].

Так в деятельности преображенного Чичикова смыкаются революция и религия. Этот путь, по мысли героев романа Шарова, был не чужд создателю Чичикова. Они усматривают революционный посыл и в комедии «Ревизор», и в поэме «Мертвые души», и в «Выбранных местах из переписки с друзьями».

Впервые в романе Шарова эта тема поднимается в обсуждениях соименских постановок комедии «Ревизор» (двух последних интерпретаций под руководством Блоцкого). Режиссер видит свой будущий спектакль как территорию революции и при этом полон уверенности в том, что «завтра вспыхнет, займется вся Россия» [20. С. 130]. При этом он стягивает воедино религиозный и революционный дискурсы: цель революции, по его мнению, – уничтожение царства греха, а революционерами называет тех, «кто посреди царства греха – оно, как известно, раскинулось от края земли и до края, – не жалея живота своего, собирает остатки семени Иакова» [20. С. 133]. Таким образом, революция интерпретируется как богоугодное дело и творчество Гоголя прочитывается именно сквозь призму этой идеи.

В ходе рассуждений на эту тему мысль о богоугодности революционного переворота сопрягается с ощущением богооставленности страждущих и ищущих справедливости: «Мысль, что революция вообще везде и всегда дело рук незаконнорожденных детей, что ее правда – именно их правда, я предполагал сделать несущей, центральной во второй, а может быть, и в третьей частях “Мертвых душ”» [20. С. 235], – объясняет гоголевский преемник. В контексте призыва дяди Валентина «перестать молить о милости и сострадании» и осознать, что «спасение не в чуде, а в яростном, безжалостном труде» [20. С. 179], продолжение и завершение «Мертвых душ» и должно стать этим спасительным актом.

Продолжение поэмы трактуется героями Шарова как средство реализации мессианской программы клана Гоголей, которое зависит от ряда условий: если Чичикову удастся завершить путь и найти Землю Обетованную, то и Коля Гоголь исполнит завет предка и даст указание и маршрут пути России к спасению.

Однако воспроизведенный в десяти письмах «Синописис» так и остается схемой, «заявкой», не реализованным проектом. Изложенные в нем идеи проходят проверку временем и, спустя годы, оценивая идеологическую составляющую поэмы, Коля видит ее несостоятельность. С высоты прожитых лет Коля понимает, сколь утопичны были мысли о коллективном спасении. Если революция – дело рук богооставленных, значит – безблагодатных. Можно ли так построить Небесный Иерусалим или найти Землю обетованную? Ответ очевиден и неутешителен. Развенчивается идея коллективного спасения, спастись можно лишь самому, пройдя путь греха и искупления, соблазна и покаяния, а любая попытка совместными усилиями построить Лестницу Иакова напрямую в рай непременно ведет к ее трансформации в Вавилонскую башню: «надежда из наших душ и добрых дел возвести Небесный Иерусалим тает на глазах. Кладка непрочна, и стены, едва поднявшись над землей, идут трещинами, рушатся, будто Вавилонская башня» [20. С. 686]

Схема так и осталась схемой.

В свое время Гоголь не справился с возложенной на себя миссией, его *живорожденные* (Ап. Григорьев) герои первого тома (даже будучи «мертвыми душами», они живорожденные в качестве персонажей поэмы) сопротивлялись идеологической воле своего создателя и превращались в *мертворожденных* под прессом навязанных им, чуждых их художественной природе задач.

Для Гоголя это обернулось добровольной пыткой, самоистязанием. Для Коли – непосильными муками творчества, подчинением личной судьбы воле клана, вмененной миссии. Гоголь так и не сумел подчинить живорожденных персонажей мировоззренческой схеме, а Коля не сумел облечь схему в художественную плоть.

Одни из Колиных корреспондентов – дядя Валентин — рассказывает: «Когда-то я много рисовал Чичикова, то в виде утлого челна, который по воле ветра и волн бросает из стороны в сторону, вот-вот опрокинется, то похожего на большой парусник: полы фрака его любимого цвета – наваринского дыму с пламенем – расходятся, как борта корабля» [20. С. 342–343].

В этом образе гораздо больше от первоначального Павла Ивановича Чичикова с его живучестью, изобретательностью, рисковостью, с его энергетикой неуловимого «подлеца», упрямо рассекающего житейское море, чем в вынашивающем мессианские планы епископе Павле, сочиненном Колей Гоголем.

В начале своего пути Коля пребывает во власти идей своих одержимых миссией завершения труда гениального предка родственников. В разногласии трактовок, суждений, взглядов ему необходимо проложить собственный вариант пути, непротиворечивую логику судьбы спасителя и дорогу к спасению. Замысел «Синописа», в частности планы «революционизировать» Чичикова, сложились не без влияния дяди Святослава, который исповедовал радикальные революционные идеи и которому «всегда было трудно представить, что в третьей части «М.Д.» Чичиков чернец и спасается в маленькой обители где-нибудь на Севере. Не тот характер, темперамент» [20. С. 333]. Однако личный опыт ареста и лагеря исцелил Колю от этой идеи, показал несостоятельность тезиса дяди Святослава, утверждавшего, что «без крови до Земли Обетованной не доведешь. Оттого и понадобились эти миллионы убитых во время Гражданской войны и в первые тридцать лет строительства коммунизма» [20. С. 655]. Но крови было пролито столько, что с лихвой хватило бы на Красное море, а Земля Обетованная так и осталась недостижимой. Все это приводит героя Шарова к переоценке ценностей и делает «Синописис» неактуальным. Разочаровавшись в своих попытках дописать поэму, оказавшись в идеологическом тупике, Коля, в конце концов, оставляет попытки завершить свою миссию.

В контексте неудавшихся попыток Гоголя и Гоголя Второго «перевоспитать» Чичикова и превратить его в благодетеля человечества физическая округлость героя выступает не только знаком его нарочитой, функционально заданной благообразной безликости афериста, но и метафорой неуловимости в качестве материала для литературных экспериментов. Он выскальзывает из-под идеологических сетей по принципу: «Я от бабушки ушел, я от дедушки ушел...» – и бойко катится «нивесть куда в пропадающую даль» [9. С. 246].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аксаков К.С. Несколько слов о поэме Гоголя: Похождения Чичикова, или Мертвые души // Русская эстетика и критика 40–50-х годов XIX века. М., 1982. С. 42–54.
2. Баль В.Ю. Идея национального возрождения и судьба предпринимательского духа в контексте рецепции образа Чичикова в современной прозе // Русский язык и литература в пространстве мировой культуры: Материалы XIII Конгресса МАПРЯЛ // В 15 т. Т. 14. СПб.: МАПРЯЛ, 2015. С. 52–59.
3. Баль В.Ю. Образ Чичикова в современной русской прозе // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. № 49. С. 147–167.
4. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Худож. лит., 1975. 504 с.
5. Белинский В. Г. Письмо к Н. В. Гоголю от 15/3 июля 1847 г. // Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений: в 14 т. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1952. Т. 8. Статьи. 1952. С. 500–510.
6. Белов С.В. Загадка смерти Достоевского, или Алеша Карамазов – царевубийца. (По поводу кн. И. Волгина «Последний год Достоевского») [Электронный ресурс] URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/ist/6.htm>
7. Веселовский А.Н. Этюды и характеристики. М.: Типолитограф. т-ва И. Н. Кушнерев и К°, Т. 2. 1912. 347 с.
8. Вяземский П.А./ Комментарий П. А. Вяземского к адресованному ему письму Гоголя от 11 июня 1847 г. // Письма Н. В. Гоголя: В 4 т. СПб.: Изд. А.Ф. Маркса, 1901. Т. 3. 499 с.

9. Гоголь Н.В. Мертвые души. Том первый // Гоголь Н. В. Полн.собр. соч: В 14т. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1937 – 1952. Т. 6. Мертвые души. Том первый, 1951. 923 с.
10. Гоголь Н.В. Мертвые души. Том второй // Гоголь Н. В. Полн.собр. соч: В 14т. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1952. Т. 7. Мертвые души. Том второй, 1951. 434 с.
11. Гоголь Н.В. Письмо Жуковскому В. А., 12 ноября (н. ст.) 1836 г. Париж // Гоголь Н. В. Полн.собр. соч: в 14 т. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1937 – 1952. Т. 11. Письма, 1836–1841, 1952. С. 73–76.
12. Гольденберг А. Х. Архетипы в поэтике Н. В. Гоголя: монография. Волгоград: Изд-во ВГПУ «Перемена», 2007. 261 с.
13. Кривонос В.Ш. «Мертвые души Гоголя» и становление новой русской прозы. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1985. 157 с.
14. Макурина Н.А. «Обратная» пародия в творчестве Ф. М. Достоевского: Князь К. – полковник Ростанев – князь Мышкин // Филологический класс. 2017. № 4(50). С. 112-117.
15. Манн Ю.В. Поэтика Гоголя. Вариации к теме. М.: Coda, 1996. 474 с.
16. Мережковский Д. С. Гоголь и черт. М.: Книжный Клуб Книговек, 2010. 384 с.
17. Набоков В.В. Лекции по русской литературе. М.: Независимая Газета, 1999. 440 с.
18. Овсянко-Куликовский Д.Н. Статьи по теории литературы; Гоголь. Пушкин. Тургенев. Чехов // Литературно-критические работы: В 2 т. М.: Художественная литература, 1989. Т. 1: Статьи по теории литературы; Гоголь. Пушкин. Тургенев. Чехов, 1989. 542 с.
19. Шамбинаго С. Трилогия романтизма (Н. В. Гоголь). М., 1911. 159 с.
20. Шаров В.А. Возвращение в Египет. М.: АСТ, 2015. 759 с.
21. Яранцев В. Возвращение Гоголя. Выбранные места из размышлений о книге Владимира Шарова «Возвращение в Египет» // Сибирские огни, 2014. № 4. [Электронный ресурс] URL: <http://www.sibogni.ru/content/vozvrashchenie-gogolya>

Поступила в редакцию 10.08.2018

Меладшина Юлия Владимировна, аспирант кафедры русской и зарубежной литературы
 ФГБОУ ВО «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет»
 614990, Россия, г. Пермь, ул. Сибирская, 24
 E-mail: meladshina@yandex.ru

Yu. V. Meladshina

TRANSFORMATION OF PAVEL IVANOVICH CHICHIKOV IN THE NOVEL “RETURN TO EGYPT” BY VLADIMIR SHAROV

The article reviews interpretations of N.V. Gogol's poem “Dead souls” in the novel “Return to Egypt” by V. Sharov, particularly, its adoption and a new project of visualization of an image of Pavel Ivanovich Chichikov. The alternative version of Chichikov's fate and character proposed by Sharov is compared to Gogol's scenario and his critical and literary representation. The analysis of the novel allows showing the interconnection of Gogol's messianic ideas with social, historical and personal experience of his descendants who went through a real practice creating “New Jerusalem” as the socialist revolution and building in the XX century. The Chichikov's character of Sharov's novel is based on the “conversed parody” as raised, cleared of negative and satiric connotation version of character and fate of the first volume of the “Dead souls”. The utopian activity's project of transfigured Chichikov in Sharov's novel is left artistically unrealizable that is mirror image of Gogol's approach to ‘yoke that rascal’ to pursuit a prophetic mission he designed. The article also reveals the motifs of the impersonation, the feeling of being chosen and wandering which connect Gogol and his characters with ambitions and fates of Sharov's characters.

Keywords: N. V. Gogol, V. Sharov, “Dead Souls”, Chichikov, transformation, forming the plot, impersonation, wandering, chosen one, “conversed parody”.

REFERENCES

1. Aksakov K. S. Neskol'ko slov o poeme Gogolya: Pokhozhdeniya Chichikova, ili Mertvye dushi [A few words about Gogol's poem: Adventures of Chichikov, or Dead souls]. *Russkaya estetika i kritika 40-50-kh godov XIX veka* [Russian aesthetics and criticism of 40-50-es of XIX century], Moscow, 1982. pp. 42 – 54. (In Russian).
2. Bal' V. Ju. Ideja nacional'nogo vozrozhdeniya i sud'ba predprinimatel'skogo duha v kontekste recepcii obraza Chichikova v sovremennoj proze [The idea of national revival and the fate of the entrepreneurial spirit in the context of the reception of the image of Chichikov in modern prose]. *Russkij jazyk i literatura v prostranstve mirovoj kul'tury: Materialy XIII Kongressa MAPRJAL* [Russian Language and Literature in the Sphere of World Culture:

- Proceedings of the 13th Congress of the IAPR]. V 15 t. [A collection of works: in 15 vol.]. T. 14. [V. 14]. SPb.: MAPRJAL, 2015. pp. 52 – 59
3. Bal' V. Ju. Obraz Chichikova v sovremennoj russkoj proze [The image of Chichikov in modern Russian prose]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologija. [Tomsk State University Journal. Philology.]. 2017. no. 49. pp. 147–167. (In Russian).
 4. Bahtin M.M. Voprosy literatury i jestetiki [Questions of literature and aesthetics]. Moscow, Hudozh. lit., 1975. 504 p. (In Russian).
 5. Belinskij V. G. Pis'mo k N. V. Gogolju ot 15/3 ijulja 1847 g. [Letter to N. V. Gogol from 15/3 July 1847]. Gogol' N. V. Polnoe sobranie sochinenij: V 14 t. [A complete collection of works: in 14 vols.]. M.-L.: Izd-vo AN SSSR, 1937–1952. T. 8. Stat'i. [V.8. Articles] 1952. pp. 500–510. (In Russian).
 6. Belov S. V. Zagadka smerti Dostoevskogo, ili Alesha Karamazov – careubijca. (Po povodu kn. I. Volgina «Poslednij god Dostoevskogo»). [The mystery of the death of Dostoevsky, or Alyosha Karamazov-Kingslayer. (About the book. I. Volgin “Dostoevsky's Last year”)]. URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/ist/6.htm>
 7. Veselovskij A. N. Jetjudy i harakteristiki [Studies and Characteristics]. Moscow, Tipolitogr. t-va I. N. Kushnerev i K°, vol. 2. 1912. 347 p. (In Russian).
 8. Vjazemskij P.A. Kommentarij P. A. Vjazemskogo k adresovannomu emu pis'mu Gogolja ot 11 ijunja 1847 g. [Comment of p. A. Vyazemsky to Gogol's letter dated June 11, 1847 addressed to him.]. Pis'ma N. V. Gogolja: V 4 t. [Gogol's letters in 4 vol.]. SPb.: Izd. A.F. Marksa, 1901. T. 3. [Vol. 3], 1901. 485 p. (In Russian).
 9. Gogol' N. V. Mertvyje dushi. Tom pervyj. [Dead Souls. Volume First]. Gogol' N. V. Poln.sobr. soch: V 14 t. [A complete collection of works: in 14 vols.]. M.-L.: Izd-vo AN SSSR, 1937 – 1952. T.6. Mertvyje dushi. Tom pervyj [V.6. Dead Souls. Volume First], 1951. 923 p. (In Russian).
 10. Gogol' N. V. Mertvyje dushi. Tom vtoroj [Dead Souls. Volume Second]. Gogol' N. V. Poln.sobr. soch: V 14t. [A complete collection of works: in 14 vols.]. M.-L.: Izd-vo AN SSSR, 1937 – 1952. T.7. Mertvyje dushi. Tom vtoroj. [V.7. Dead Souls. Volume Second], 1951. 434 p. (In Russian).
 11. Gogol' N. V. Pis'mo Zhukovskomu V. A., 12 nojabrja (n. st.) 1836 g. Parizh [Letter to V. A. Zhukovsky, November 12 (n. v.) 1836, Paris]. Gogol' N. V. Poln.sobr. soch: V 14t. [A complete collection of works: in 14 vols.]. M.-L.: Izd-vo AN SSSR, 1937–1952. T. 11. Pis'ma [V.11. Letters], 1836–1841, 1952. pp. 73–76. (In Russian).
 12. Gol'denberg A. X. Arhetipy v pojetike N. V. Gogolja: monografija [Archetypes in poetics N. V. Gogol: monograph]. Volgograd: Izd-vo VGPU «Peremena», 2007. 261 p. (In Russian).
 13. Krivonos V. Sh. «Mertvyje dushi Gogolja» i stanovlenie novoj russkoj prozy [“The Dead Souls of Gogol” and the formation of a new Russian prose.]. Voronezh: Izd-vo Voronezhskogo un-ta, 1985. 157 p. (In Russian).
 14. Makurina N. A. «Obratnaja» parodija v tvorchestve F. M. Dostoevskogo: Knjaz' K. – polkovnik Rostanev – knjaz' Myshkin [“Inverse” parody in Dostoevsky's works: prince K. – colonel Rostanev – prince Myshkin]. Filologicheskij klass [The philological class]. 2017. no. 4(50). pp. 112–117. (In Russian).
 15. Mann Yu. M. Pojetika Gogolja. Variacii k teme [The Poetics Of Gogol. Variations to the theme]. Moscow: Coda, 1996, 474 p. (In Russian).
 16. Merezhkovskij D. S. Gogol' i chert. [Gogol and the devil]. M.: Knizhnyj Klub Knigovek, 2010. 384 p.
 17. Nabokov V. V. Lekcii po russkoj literature. [Lectures on Russian literature]. Moscow: Nezavisimaja Gazeta, 1999. 440 p. (In Russian).
 18. Ovsjaniko-Kulikovskij D. N. Stat'i po teorii literatury; Gogol'. Pushkin. Turgenev. Chehov. [Articles on the theory of literature; Gogol. Pushkin. Turgenev. Chekhov]. Literaturno-kriticheskie raboty: V 2 t. [Literary-critical works: in 5 vols.]. Moscow: Hudozhestvennaja literatura, 1989. T.1. Stat'i po teorii literatury; Gogol'. Pushkin. Turgenev. Chehov. [V.1. Articles on the theory of literature; Gogol. Pushkin. Turgenev. Chekhov], 1989. 542 p. (In Russian).
 19. Shambinago S. Trilogija romantizma (N. V. Gogol') [The trilogy of romanticism (N. V. Gogol)]. Moscow, 1911. 159 p. (In Russian).
 20. Sharov V. Vozvrashhenie v Egipet [Return to Egypt]. Moscow: AST, 2015. 759 p. (In Russian).
 21. Jarancev V. Vozvrashhenie Gogolja. Vybrannye mesta iz razмышlenij o knige Vladimira Sharova «Vozvrashhenie v Egipet» [Return of Gogol. Selected places from reflection on the book by Vladimir Sharov "Return to Egypt"]. Sibirskie ogni [Siberian lights]. 2014. no. 4 URL: <http://www.sibogni.ru/content/vozvrashchenie-gogolya> (In Russian).

Received 10.08.2018

Meladshina Yu.V., postgraduate student of the Department of Russian and foreign literature
Perm State Humanitarian Pedagogical University
24, Sibirskaya, st., 614990, Perm, Russia
E-mail: meladshina@yandex.ru